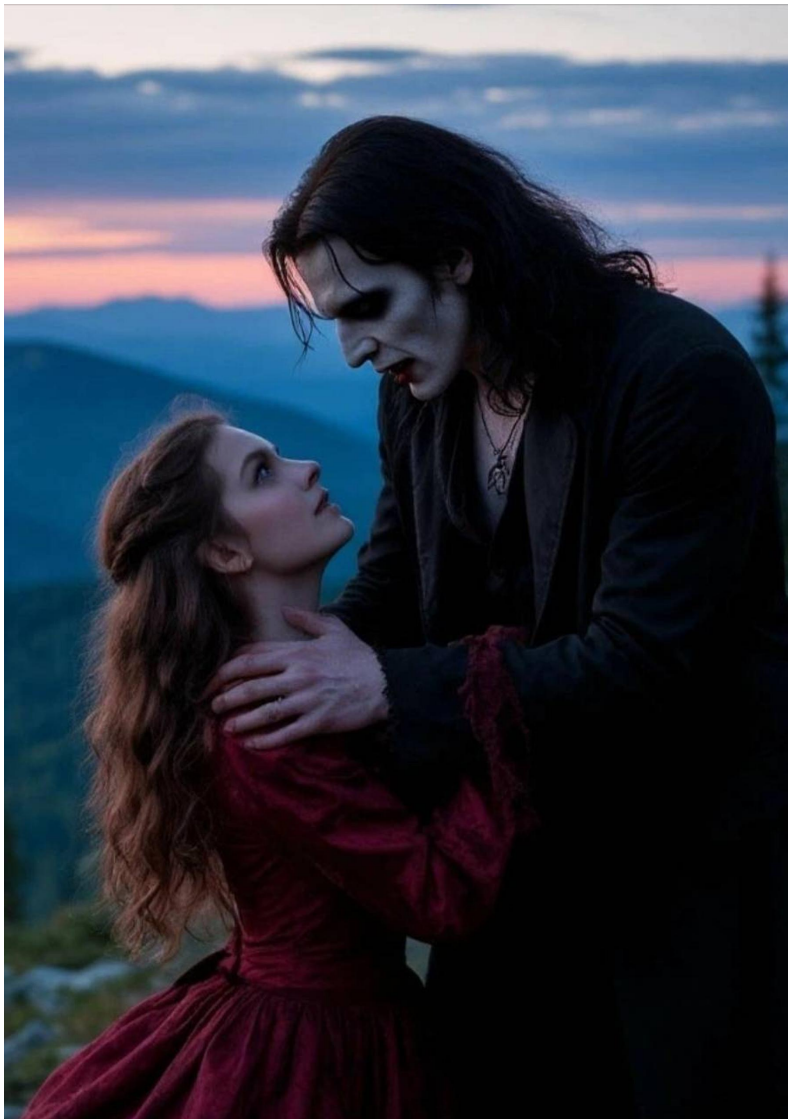

Андрей Вершков

Уральские вампиры

<https://litres.ru/74444099>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодая семейная пара, отправившись в горы на Урале, столкнулись с мистикой.

В заброшенной деревушке жили вампиры, которые уже на протяжении нескольких лет , выпивали кровь у заблудших туристов.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Уральские вампиры

Глава 1

Хребет

Юля предлагала ехать на Таганай — там тропы размечены, приюты, туристы толпами. Но Костя уперся: хочу настоящее, дикое, без пластиковых указателей. Нашел в интернете какой-то форум, где мужик с ником «Шатун-74» расписывал маршрут по северной части хребта — заброшенная штольня, скальные останцы, и главное, никого. Вообще никого.

Юля- была белокурой блондинкой лет тридцати , с красивой фигурой и серо зелеными глазами. На щеке была маленькая родинка, рядом с ямочкой возле аккуратных пухленьких губ.

Костя- высокий, плотного телосложения , темноволосый лет тридцати пяти с европейской внешностью лица.

Они вышли из Кусы на рассвете, к полудню свернули с грунтовки в лес. Пихта здесь стояла плотно, мох свисал с нижних веток, как борода у утопленника. Юля заметила, что птиц не слышно, но промолчала — Костя бы отшутился, что она насмотрелась ужасиков.

К вечеру вышли к деревне, которой не было на карте. Восемь домов, вросших в землю по окна. Дым из одной трубы.

— Заночуем? — Костя уже снимал рюкзак.

Из дома с дымящей трубой вышла женщина на вид лет пятидесяти с черными волосами заплетенные в косу. Смотрела долго, потом сказала:

— Обратно идите. До темноты успеете к дороге, если быстро.

— Мы бы переночевали, бабушка. Заплатим.

— Я вам не бабушка. — Она поджала губы. — Ночуйте в баньке, у меня топится. Из баньки не выходите. Что бы ни услышали.

Баня была черная, без трубы, дым уходил в отдушину под потолком. Пахло горелым можжевельником — старуха бросила в каменку целый пучок, приговаривая что-то невнятное. Юлия разобрала только «не наши» и «сыты будут — не полезут».

Они поужинали тушенкой. Костя был в отличном настро-

ении — вот оно, аутентичное, то самое, ради чего ехали. Юля сидела у стены и слушала.

Началось после полуночи.

Сначала шаги — босые, по мокрой земле, много. Потом голос за дверью. Женский, молодой:

— Юлечка. Юля. Открой, холодно.

Юля не открыла. Голос был мамин. Мама умерла четыре года назад в Челябинске, от инсульта, и Юля держала ее за руку до конца.

— Костенька рядом? Спит? Пусть спит. Ты выйди, одна.

Костя не спал. Он сидел, вцепившись в топорик, и лицо у него было белое.

— Это не она, — сказал он шепотом. — Это не может быть она.

— Я знаю.

Голос за дверью сменился на другой — детский, мальчишеский, звал Костю играть, и Костя начал вставать, потому

что это был брат Сашка, утонувший в Миассе в девяносто девятом. Юля повисла на нем, придавила к полу, зажала рот ладонью.

Скреблись до четырех. Дверь не тронули — старуха потом объяснила: в баню они не заходят, баня не дом, у нее хозяин свой, и с ним они не связываются. Поэтому и селят чужих в баню.

На рассвете стало тихо. Юля выглянула: следы вокруг порога, босые, глубокие, и ни одного отпечатка ведущего прочь. Как будто пришли и растворились.

Старуха ждала у крыльца.

— Живые. Хорошо.

— Кто это был? — спросил Костя. Голос сел.

— Наши же. Деревенские. Как штольню-то закрыли в шестидесятом, завалило двенадцать человек, так они и вышли через год. Сначала к своим ходили. Потом свои кончились. — Она поправила платок. — Я последняя осталась. Меня не трогают — я им родня, внучка. Они меня, может, из вежливости берегут. Или я невкусная уже.

— Почему вы не уедете?

Старуха посмотрела на него как на дурачка.

— А кто вас, дураков, в баню класть будет?

Они шли до дороги шесть часов и не разговаривали. Уже в маршрутке на Златоуст Юля достала телефон, нашла тот форум. Тема была, и Шатун-74 был, последнее сообщение — две тысячи одиннадцатый год.

«Дошел до деревни. Тут баня топится. Заночую, завтра отпишусь.»

Хребет. Часть вторая

Костя не спал три ночи, а на четвертую заснул и проснулся оттого, что стоял у входной двери с ключами в руке. Юля нашла его в подъезде, на площадке между этажами, босого.

— Я думал, звонят, — сказал он.

Звонков не было. Домофон вел журнал вызовов — Юля

проверила утром, на всякий случай.

Потом началось у нее. Не голоса — запах. Можжевельный дым, тот самый, черный, банный. Он приходил в маршрут-ке, в офисе, в очереди в «Пятерочке». Она оборачивалась, и всегда кто-то стоял слишком близко и слишком долго не отводил глаз.

Через две недели Костя сказал:

— Надо вернуться.

— Ты с ума сошел.

— Юль. Мы там что-то на себе унесли. — Он положил телефон на стол экраном вверх. — Я весь форум перечитал. Шатун — не первый. С восьмьдесят четвертого пропало девять человек по этому маршруту. Все — кто ночевал. И знаешь, что общее? Все были парами или группами. Никто в одиночку.

— И что?

— Уходил всегда один. Второй возвращался.

Юля долго молчала.

— Мы оба вернулись.

— Да, — сказал Костя. — Вот это меня и пугает.

Они выехали в конце сентября, по холоду. Купили в Кусе в церковной лавке свечи, в хозяйственном — канистру солярки, и Юля, чувствуя себя идиоткой, взяла в аптеке два пузырька йода, потому что мать в детстве говорила: нежить не любит, когда пахнет больницей.

Деревня стояла на месте. Восемь домов. Дым из трубы.

Старуха встретила их у калитки и не удивилась.

— Долго шли.

— Вы знали, что мы придем?

— Все приходят. — Она развернулась и пошла в дом, не приглашая, но и не запирая за собой дверь.

Внутри было чисто, бедно и странно: на стене висели фотографии, десятки, в рамках и без, приколотые булавками. Мужчины в ватниках, женщины с гладкими прическами, дети. И между ними — снимки поновее. Цветные. Турист в

оранжевой куртке. Двое парней с рюкзаками. Женщина лет сорока в панаме, щурится на солнце.

— Шатун? — спросил Костя, показывая на бородатого мужика в бандане.

— Валерка. Хороший был. Три дня продержался.

— Вы их фотографируете?

— Они сами оставляют. У кого в рюкзаке карточка, у кого в телефоне. Я распечатываю в Кусе, когда за пенсией езжу. — Старуха села, поставила локти на стол. — Кто-то же должен помнить. Они-то не помнят. Они уже ничего не помнят, кроме голода.

— Вы говорили, они ваша родня.

— Дед мой. Отец. Дядька Никифор. Еще девять человек с той смены. — Она кивнула на групповой снимок в центре стены: двенадцать мужиков у деревянного копра, лица неразличимые, засвеченные. — Штольня была старая, еще дореволюционная, медь брали. В шестидесятом решили вскрыть заново. Вскрыли.

— Что там было?

Старуха посмотрела на него.

— Пустота там была. Очень голодная.

Она рассказывала медленно, глядя в стол.

Их завалило на четвертые сутки. Копали неделю — не дорылись, породу вело, штрек садился. Отпели заочно, поставили крест у дороги. А через год с небольшим, в марте, дед пришел домой. Постучал, сказал, что замерз.

— Бабка пустила, — сказала старуха. — Она его сорок лет ждала с войны и с шахты, куда ей было деваться. Он ее первую и выпил. Потом отца. Потом пошло по домам. Кто успел — уехал. Половина деревни зимой ушла пешком до тракта, дошли не все.

— А вы?

— Мне было девять. Меня дед на руках носил. Он ко мне пришел, посмотрел и ушел. — Она пожала плечами. — Не знаю почему. Может, память какая осталась. Может, я тогда болела, кровь плохая была. Тиф у меня был.

— Шестьдесят лет, — сказала Юля. — Вы живете здесь

шестьдесят лет с ними.

— Пятьдесят восемь. — Старуха встала, взяла с печи чайник. — Первые годы пряталась. Потом поняла: не тронут. А потом поняла хуже — что они голодные. Что они за дорогу ходят, до тракта, до Кусы. Что в семьдесят третьем в Магнитке пропали двое, и я знала, кто. Вот тогда и стала баню топить.

Она разлила чай.

— Я их не стерегу. Я их кормлю, чем могу. Кто ко мне придет — тот к ним не пойдет дальше. Они у меня рядом сыты — значит, за хребет не сунутся. Так я себе объясняю. Врать не буду, может, и не так.

Костя поставил кружку.

— Мы к вам за другим приехали. Мы что-то унесли.

Старуха впервые за все время выглядела старой.

— Кто из вас открывал дверь?

— Никто.

— Кто отвечал?

Тишина.

— Я, — сказала Юля. — Я сказала «я знаю». Вслух.

— Ну вот. — Старуха вздохнула. — В баню они не войдут. А голос — это не они входят, это ты выходишь. Чуть-чуть, на слово. Они теперь тебя слышат.

— Что делать?

— Есть один способ. Он плохой.

За окном темнело. Старуха достала из-под лавки лом, керосиновую лампу и связку старых, черных от смазки ключей.

— Штольню в шестьдесят первом завалили взрывом. Не всю. Там есть второй ход, вентиляционный, через него они и вышли. Он закрыт решеткой, я ее каждый год смотрю. — Она положила ключи на стол. — Они привязаны к дырке в земле, как собака к будке. Можно перерезать цепь. Только внутрь надо войти.

— И что там?

— То, что их сделало. Не они — оно. — Старуха посмотрела на Костю. — Вы думаете, вампиры — это которые кусаются. Нет, милый. Кусаются — это дедушка мой, ему просто есть хочется. А там, внизу, — то, что придумало голод как способ жить.

Юля поняла, что дрожит.

— Почему вы сами туда не пошли за пятьдесят восемь лет?

— Ходила. — Старуха закатала рукав.

На предплечье, от запястья до локтя, кожа была сизой, гладкой, без волос, как старый шрам от ожога. И под ней что-то очень медленно двигалось.

— Дошла до третьего поворота. Оно со мной поговорило. — Она опустила рукав. — Я вернулась и с тех пор топлю баню. Вот и весь мой подвиг.

Костя и Юля переглянулись. Он взял ключи.

— Пойдем утром, — сказал он. — Днем.

— Днем, ночью — там разницы нет, — сказала старуха.

— Но идите утром. Утром вам самим легче.

Она постелила им в бане.

Ночью пришли снова. На этот раз голосов было два, и они не притворялись.

— Юля, — сказал первый, взрослый мужской, с шахтерской хрипотцой. — Ты завтра под землю собралась.

— Не ходи, — сказал второй, помоложе. — Мы тебя тут встретим, по-хорошему. Быстро. Ты даже не заметишь.

Костя держал ее за руку так, что потом остались синяки.

— А если пойдешь, — продолжил первый почти ласково, — оно тебя отпустит. Оно всегда одного отпускает. Спроси у бабки, почему она живая. Спроси, кто с ней в тот раз пошел.

Шаги ушли под утро.

Юля лежала с открытыми глазами и думала о стене с фотографиями. О том, что там были в основном одиночные снимки. И о том, что в самом углу, у косяка, висела маленькая черно-белая карточка: девочка лет девяти и мальчик чуть постарше, оба щурятся, оба держат одну корзинку на

ДВОИХ.

Мальчика она на других фотографиях не видела.

Хребет. Часть третья

Утром был иней.

Старуха вышла провожать до калитки, в телогрейке поверх халата. Сунула Юле в карман что-то твердое, завернутое в тряпицу.

— Не смотри сейчас. Понадобится — поймешь.

— Кто с вами ходил? — спросила Юля.

Старуха отвернулась к забору.

— Брат. Володя. Ему было двенадцать.

— Он остался там?

— Он вышел. — Она поправила платок. — Через полгода. Постучал, сказал, что замерз. — Пауза. — Я не пустила.

Она пошла к дому и уже с крыльца, не оборачиваясь, сказала:

— Оно предложит вам выбрать. Не выбирайте. Что бы оно ни говорило — не выбирайте. Это единственное, чего оно не умеет: брать само.

Вход был в километре, в распадке, заросшем ольхой. Бетонный портал, просевший на один бок, решетка из арматуры, замок размером с кулак, заваренный и снова прорезанный десятки раз. Старухина работа за полвека — видно было по слоям.

Костя открыл замок третьим ключом.

Изнутри пахло не сыростью, а сухим и теплым. Как из печи, которую топили вчера.

— Это неправильно, — сказал он. — Там должно быть плюс четыре и вода.

— Да.

Они спустились.

Первые двести метров штрек шел ровно, крепь стояла, под ногами хрустел щебень и битое стекло от старых ламп. Фонари брали хорошо. Юля считала шаги, чтобы не думать.

На первом повороте лежал рюкзак. Оранжевый, выцветший, аккуратно прислоненный к стене, будто хозяин отошел на минуту. Костя не стал его трогать.

На втором повороте рюкзаков было четыре.

— Они их сюда сносят? — спросила Юля.

— Или люди сами доносят до этого места, — сказал Костя.

Третий поворот они узнали сразу. Воздух стал плотным, как вода, и в нем возник звук — не эхо, не капель. Дыхание. Очень большое и очень медленное, один вдох примерно на двадцать секунд.

И оно заговорило.

Не голосом. Юля потом не могла объяснить: слова просто оказывались в голове уже понятыми, как будто она их сама вспомнила.

«ВЫ ПРИШЛИ ВДВОЕМ. ЭТО РЕДКО.»

Костя остановился.

— Что ты такое?

«Я ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ, КОГДА ЗДЕСЬ КОНЧИЛАСЬ
РУДА. Я ГОЛОД БЕЗ ТЕЛА. МНЕ НУЖНЫ РУКИ И НО-
ГИ, И Я ИХ БЕРУ ВЗАЙМЫ.»

— Двенадцать человек.

«ДВЕНАДЦАТЬ ПАР РУК. ОНИ ИСТРЕПАЛИСЬ. ОНИ
ХОДЯТ ВСЕ ХУЖЕ, И СТАРУХА КОРМИТ ИХ КАШЕЙ
ИЗ ПРОХОЖИХ. МНЕ НУЖНЫ НОВЫЕ.»

Юля почувствовала, как в кармане нагревается тряпич-
ный сверток.

— Ты не можешь нас взять, — сказала она. — Иначе бы
уже взяло. У калитки, в бане, в маршрутке. Ты тридцать дней
ходило за нами по Челябинску и не взяло.

Дыхание сбилось. На одном вдохе.

«Я БЕРУ ТО, ЧТО ОТДАЮТ.»

— Значит, тебе надо, чтобы мы согласились.

«МНЕ НАДО, ЧТОБЫ ОДИН ОТДАЛ ДРУГОГО.»

Вот оно.

«ТАК БЫЛО ВСЕГДА. ДВОЕ ВХОДЯТ, ОДИН ВЫХОДИТ И ЖИВЕТ ДОЛГО. ТАК ВЫШЛА ДЕВОЧКА В ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОМ. ТАК ВЫШЕЛ ЧЕЛОВЕК В ОРАНЖЕВОЙ КУРТКЕ, ОН ДОШЕЛ ДО ТРАКТА И УМЕР ЧЕРЕЗ ГОД ОТ СЕРДЦА, НО ОН ВЫШЕЛ. ВЫБЕРИ, ЮЛЯ. ИЛИ ВЫБЕРИ, КОНСТАНТИН. МНЕ ВСЕ РАВНО КТО.»

Костя открыл рот.

Юля поняла, что он сейчас скажет, и поняла, что он скажет это искренне, и что именно поэтому этого нельзя допустить.

Она зажала ему рот ладонью — второй раз за месяц, тем же движением.

— Молчи.

«ОН ХОЧЕТ СКАЗАТЬ ТЕБЯ. ИЛИ СЕБЯ. В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ ЭТО СЛОВО.»

— Я знаю.

Она достала сверток. Внутри была фотография — та самая, маленькая, черно-белая: девочка и мальчик с одной корзинкой. На обороте карандашом, детской рукой: «Валя и Володя, 1959».

И еще что-то тяжелое, завернутое отдельно. Восьмигранный кусок кварца с медной прожилкой. Обычный камень из штольни.

«ОНА ОТДАЛА ТЕБЕ БРАТА. ЭТО НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИТ.»

— Это значит, что она помнит, как его звали, — сказала Юля. — А ты — нет. Ты не знаешь ни одного имени. Ты всю дорогу говоришь «человек в оранжевой куртке».

Дыхание остановилось совсем.

Юля шагнула вперед, в темноту за пределами света фонаря, и положила фотографию на щебень.

— Валентина Никифоровна Шатунова передает своему брату Владимиру, — сказала она громко, и голос не дрожал, потому что дрожать было уже поздно. — Что не пустила его в дом в шестьдесят втором году. И что была не права. И что дверь открыта.

Тишина.

А потом далеко, в глубине, в третьем или четвертом штрессе, кто-то заплакал. Тонко, по-детски, взхлеб — так плачут, когда наконец разрешили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.